

ДИЗАЙН АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

Научная статья

УДК/UDC 718:94(470):2

DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-270-284

Влияние «поливерия» на формирование погребальных пространств на европейской территории России**Татьяна Олеговна Шулика^{1✉}, Дмитрий Сергеевич Мухин²**^{1,2}Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия¹shulika-taf@yandex.ru, ²d.myhin@markhi.ru

Аннотация. На сегодняшний день не хватает обобщающих работ, анализирующих погребальное пространство как результат наслоения культурных традиций. Для определения такого наслоения в статье вводится понятие «поливерия». В статье выдвигается гипотеза о его ключевом влиянии на формирование и трансформацию погребальных пространств на европейской территории России. Целью статьи является выявление синтеза элементов культурных парадигм, влияющих на трансформацию погребальных пространств в период с X по XXI вв., с дальнейшей проекцией последствий этой трансформации на современность. В заключение предшествующие культурные особенности проецируются на современное состояние погребального пространства на примере его трансформации и её дальнейшего прогнозирования.

Ключевые слова: погребальное пространство, трансформация погребального пространства, погребальная архитектурная среда, поливерие, двоеверие

Для цитирования: Шулика Т.О. Влияние «поливерия» на формирование погребальных пространств на европейской территории России / Т.О. Шулика, Д.С. Мухин // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №2(63). С. 270-284. URL:

https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/17_shulika.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-270-284

DESIGN OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT

Original article

The «multi-faith» Influence on formation of burial spaces on the European territory of Russia**Tatyana O. Shulika^{1✉}, Dmitrii S. Mukhin²**^{1,2}Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia¹shulika-taf@yandex.ru, ²d.myhin@markhi.ru

Abstract. Currently, there is a lack of generalizations analyzing the burial space as a result of the accumulation of cultural traditions. The article introduces the concept of «polivery» in order to define such layering. The article proposes a hypothesis about its key influence on the formation and transformation of burial spaces on the European territory of Russia. The article is aimed at identifying the synthesis of elements of cultural paradigms that influence the transformation of burial spaces in the period from X to XXI centuries. with a further projection of the consequences of this transformation into modernity. In conclusion, the preceding cultural features are projected on the current state of the funerary space on the example of its transformation and its further forecasting.

Keywords: burial space, the transformation of the funerary space, the funerary architectural environment, multi-faith, dual faith

For citation: Shulika T.O., Mukhin D.S. The «multi-faith» Influence on formation of burial spaces on the European territory of Russia. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.2(63), pp. 270-284. Available at:

https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/17_shulika.pdf DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-270-284

«Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления.»

Пьер Нора, «Франция-память», 1999.

Введение

Кладбище, в первую очередь, является местом захоронения, но также и пространством сохранения памяти и выражения любви и уважения к усопшим. Однако в духовной жизни человека оно является в большей степени *«пространством памяти»*. Обратившись к историческим кладбищам, находящимся под особой охраной и выглядящим как музеи под открытым небом, мы поймем, что они – не что иное, как *«места памяти»* (*lieux de mémoire*). Это понятие было введено французским историком и писателем Пьером Нора. *«Места памяти — это останки»* [7, с. 26]. Они включают в себя три аспекта: материальный, символический и функциональный [12, с. 59-79]. Обычные кладбища также обладают этими аспектами, но их качество сейчас определяется практически бесконтрольным, несистематизированным вернакулярным² [3] развитием.

Исторически сложившееся пространство российского кладбища чаще всего анализируется исследователями с акцентом на периодах Российской империи и Советской власти [1; 6, с. 198-222; 13]. Действительно, именно эти периоды в значительной степени повлияли на появление того кладбища, каким мы его знаем сегодня. Однако трансформация похоронной отрасли всегда рассматривается с точки зрения существующей православной парадигмы, а именно – влияния постоянно усиливающейся секуляризации на облик кладбищ. В данной статье рассматривается процесс формирования погребальных пространств с точки зрения феномена *«поливерия»*. Оно основано на понятии *«двоеверия»*. Согласно Б.А. Рыбакову³, это *«...компромиссное равновесие языческих и православных элементов»* [10, с. 6], зародившееся в Киевской Руси XI-XIII вв. Современное погребальное пространство отражает большое разнообразие народных погребальных традиций и дополняется новыми культурными парадигмами. Это верования, мифология, семейные традиции, мода, философия, экономические и политические аспекты, формирующие сознание современников. Проецируя принципы, присущие *«двоеверию»*, на последующую историю выбранной территории, можно заметить то же *«компромиссное равновесие»*, но все большего числа культурных парадигм. В этой статье *«поливерие»* отражает синтез широкого спектра культурных моделей и выступает инструментом в дальнейшей работе с погребальными пространствами. *«Поливерие»* это явление, при котором формирование в культуре сообщества традиций, верований, практик убеждений и их пространственной среды относятся более чем к двум культурным парадигмам одновременно. В таком виде оно проявляется в обществе и культуре на протяжении всей его истории и формирует современный культурный и пространственно-средовой погребальный ландшафт.

² Вернакулярный – (в архитектурном дискурсе) понятие, описывающее архитектуру или архитектурную среду сформированную «...без архитектора», иначе – народная.

³ Рыбаков Б.А. – исследователь славянской культуры и истории Древней Руси. Автор понятия *«двоеверия»*.

Черты «поливерия» отчетливо выражаются в *коммеморативных*⁴ [8] погребальных практиках [9, с. 82-83], где можно выделить большое число вошедших в традицию и культуру «не христианских» атрибутов как в погребальной традиции, так и в окружающей ее архитектурной среде. По сути, бо́льшая часть всех особенностей усредненного кладбища на сегодняшний день не основана на четкой религиозной догматике, а сформирована синтезом культур разных исторических периодов с экономическими и политическими обстоятельствами. Это проявляется в планировке и ориентации могил (рис. 1, 2), в их оформлении по периметру оградами и бордюрами, в установке столов и скамеек, в самих надгробных памятниках и изображенных на них портретах усопших, во временной атрибутике (искусственные цветы, лампы, стопки с водкой, хлеб с конфетами, зерно и др.) и во многом другом. Укоренившиеся в культуре, все эти аспекты так или иначе влияют на общий вид кладбища, и для дальнейшей работы с ними необходимо разобраться в их возникновении.

Рис. 1. Преображенское кладбище г. Шлиссельбург

⁴ Коммеморация – (от лат. *memorialis* — памятный) – процесс сохранения и передачи памяти об исторической культуре, о традициях, обрядах, событиях и т.д. в жизни сообщества. Выражается в публичных актах воспроизводства и адаптации практик, или в мемориализации ключевых событий.

Рис. 2. Южное кладбище г. Санкт-Петербург

Киевская Русь

Для лучшего понимания процессов трансформации в затронутом нами аспекте стоит обратиться к общим истокам современной погребальной традиции на основной части Европейской территории России, а именно, к концу X в. Киевской Руси в период перед ее крещением. Рассмотрим, как новая христианская парадигма повлияла на укоренившиеся языческие погребальные пространства и практики. Именно крещение Руси вызывает наибольший интерес как отправная точка и пример кардинальной смены традиции и возникновения «двоеверия», выразившегося в погребальных практиках и пространствах. Истоки этих явлений берут начало в языческих верованиях древних славян [10, с. 74-120]. На примере славянских захоронений конца X – начала XI в. видны характерные признаки, относящиеся к переходу от языческой традиции к христианской. В сравнительной таблице 1 представлено, какие погребальные элементы принципиально трансформируются, а какие продолжают сохраняться в процессе перехода от язычества к христианству.

Таблица 1. Трансформация погребальной традиции в период двоеверия

Языческая Русь (до крещения)	Христианская Русь (после Крещения)
Кремация – ритуал сожжения с дальнейшим погребением праха сразу в землю или в глиняных горшках. Уходит своими корнями в праславянский период VII–VIII вв. до н. э. [11]	Ингумация – размещение умершего человека в землю. Часто встречался вместе с разведением ритуального огненного кольца вокруг могилы усопшего без сожжения его тела

Захоронения в позе эмбриона	Прямо уложенное тело головой на запад
«Бдын» – это слово («бъдынъ») часто толкуют как погребальное строение, домовину, но О.Н. Трубачев определяет как «толстый древесный ствол, столб» [10, с. 389]	«Голбец» – трансформированный «бдын» – «севернорусский <...> надмогильный памятник, представляющий собою <...> простой массивный столб <...> с небольшой двускатной кровлей наверху и иконкой» [10, с. 389] (рис. 3)
«Домовина» – сооружение над могилой с телом (иногда с горшком с прахом). Возводились как до, так и после крещения Руси, однако трансформировались после крещения [10, с. 89]. Вариант такого сооружения можно усмотреть в былине о Михайле Потоке, где была описана его могила, представляющая собой кубического объема яму со срубной гробницей, что впоследствии подтвердилось раскопками [10, с. 393-398]. Наиболее поздние случаи возведения «домовины» относятся к XX веку	
Совместное захоронение (супругов и домашнего скота) сохраняются на ранних этапах после крещения, также претерпевая изменения. Погребение супругов и скота (как правило, лошади) вместе, независимо от того, произошла ли их смерть одновременно (подобный случай также описан в былине о Михайле Потоке)	
Курганные насыпи – языческие ритуальные сооружения, как правило, возводимые на месте захоронения [10, с. 89] (рис. 4)	

Рис. 3. Старообрядческое кладбище. В.А. Плотников, Кемь, 1906. Из архива Российского Этнографического музея, г. Санкт-Петербург

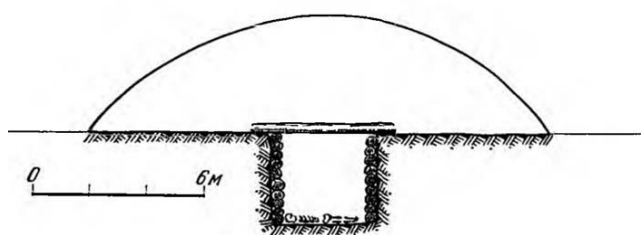

Рис. 4. Курган со срубной гробницей IX–X вв. Из книги Б.А. Рыбакова «Язычество древней Руси»

Некоторые из вышеперечисленных явлений так или иначе дошли до нашего времени. Домовину или «бдын» в современном захоронении встретить уже почти невозможно, в отличие от видоизмененного «голбеца» – он часто превращается в крест с двускатной крышкой. Однако других примеров сегодня почти не найти в архитектурной среде кладбищ, но они все еще считаются в практиках, ритуалах и верованиях. Основной причиной ослабления языческой традиции является не столько христианизация и борьба с язычеством, сколько попадание российских княжеств в зависимость от Монгольской Империи (позже – Золотой орды) в 1242–1472 гг. В этот период была утрачена большая часть славянской культуры, не поддерживаемой официальной религией. В период Удельной Руси продолжались процессы по христианизации и ослаблению языческих традиций, начатые в Киевской Руси.

Таким образом, в этот период на Руси сложилось множество разрозненных погребальных традиций и их пространственных характеристик. Различия были обусловлены отсутствием единой для всех религиозной парадигмы, сохранением языческих элементов, изолированностью населенных пунктов друг от друга и утратой части исторического наследия в период монгольского ига. По сути, пространство формировалось посредством «останков» памяти в вербальном виде. Как помнили, так и делали. Христианская могила могла оформляться языческими домовинами, «голбецами», и дополняться атрибутами для совершения языческих ритуалов поклонения мертвым.

Московское государство и Российская империя

Следующим этапом в развитии русской погребальной традиции можно считать период Московского государства (1478–1721) и Российской империи (1721–1917). Это то время, когда церковь поделилась на две части после реформы Никона 1656–1657 и началась плавная секуляризация общества, в том числе погребальных практик, атрибутов и организации погребальной среды.

Реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича была направлена на культурное объединение русской и греческой церквей и унификацию всех обрядов, включая оформление молил. Она привела к созданию современной модели православной догматики и упразднению русского православного народного традиционализма. Церковь была разделена на две части, причем старообрядчество подвергалось репрессиям, что привело к ослаблению его значения в культурном аспекте [4] и к единообразию культурного ландшафта в целом. Прежде погребальные пространства имели большое количество преемственных языческих элементов, унаследованных из прошлой эпохи и порой кардинально отличающихся друг от друга от региона к региону. К ним относилось не только декоративное оформление, но и обряды, например, символическая трапеза и оставление пищи на кладбище, что также находило свое отражение в элементах организации пространства в виде лавок и столиков. С введением реформ значительное количество этих элементов было нивелировано еще сильнее.

Другой пример трансформации похоронного пространства связан с постепенной секуляризацией государства и общества. Этот процесс получил особую активность, начиная с периода правления Петра I, который ограничил влияние церкви на государство. Следующим ударом по российскому духовенству была реформа Екатерины II в 1764 г. вследствие которой значительная часть церковных земель перешла государству [6, с. 190-191]. На погребальную и церковную архитектурную среду это повлияло в аспекте увеличения ее светскости. Заграничная мода все активнее влияла на декорирование духовных и ритуальных пространств, в том числе, различными языческими атрибутами: фасады и интерьеры церквей, храмов и часовен, памятные знаки, пьедесталы скульптур, надгробные памятники и мавзолеи начинают оформляться в греко-римской ордерной традиции. Этот процесс можно проследить, начиная со строительства Архангельского собора в Московском Кремле в 1508 г. (рис. 5). Однако это лишь частный случай. С большей силой секуляризация начинается во второй половине XVII в. Ордерная лоджия

появляется на иконе Симона Ушакова в 1671 г. (рис. 6), в архитектуре такая преемственность активно развивается в «нарышкинском барокко», черпающим вдохновение в западной архитектуре барокко и северного маньеризма, истоком которого была также языческая греко-римская архитектура (рис. 7)⁵.

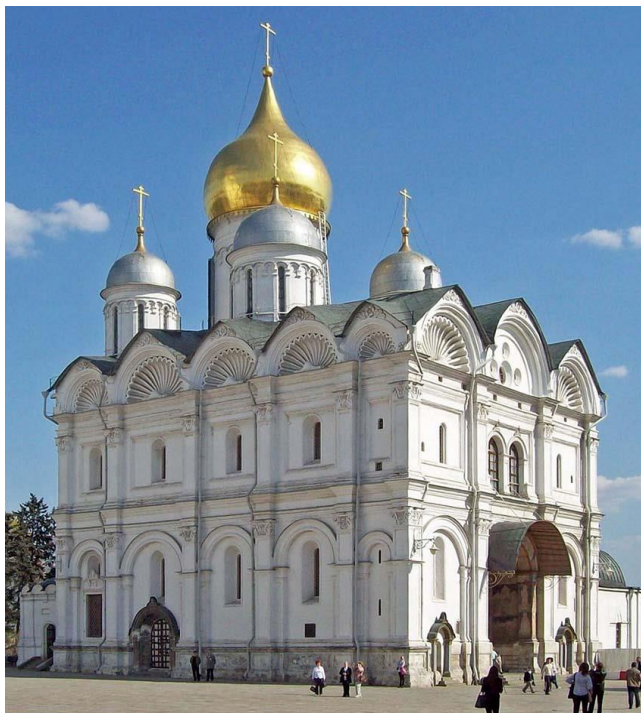

Рис. 5. Архангельский собор Московский Кремль 1508 г.

Рис. 6. Троица ветхозаветная С.Ф. Ушаков 1671 г.

⁵ Чекмарев А.В. Архитектурное наследие. Нарышкинский стиль. Часть 2. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/1100195.html> (дата обращения: 23.01.2023).

Рис. 7. Церковь в Миддельбурге 1647-1667 гг. и часовня Пятницкий колодец в Троице-Сергиевой лавре 1690-е гг.

Начиная с Петровской эпохи влияние западной моды ощущается еще сильнее, что активно проявляется в классицизме XVIII–XIX вв. Так, в пространственной среде Лазаревского кладбища в Санкт-Петербурге во многом буквально цитируются элементы античной архитектуры (рис. 8), также, вдохновленные западным опытом, дошедшим до нас в основном в виде графики (рис. 9). Надгробные мемориальные памятники начинают выполняться в камне и становятся все изощреннее в оформлении. Городские кладбища становятся похожи на музеи под открытым небом, в которых визуальный и пространственный акцент все больше переносится на демонстрацию праведности, вкуса, достижений или финансового состояния усопшего или его семьи окружающим, что не соотносится с православной концепцией, но, тем не менее, получает широкое развитие и распространение вплоть до сегодняшних дней.

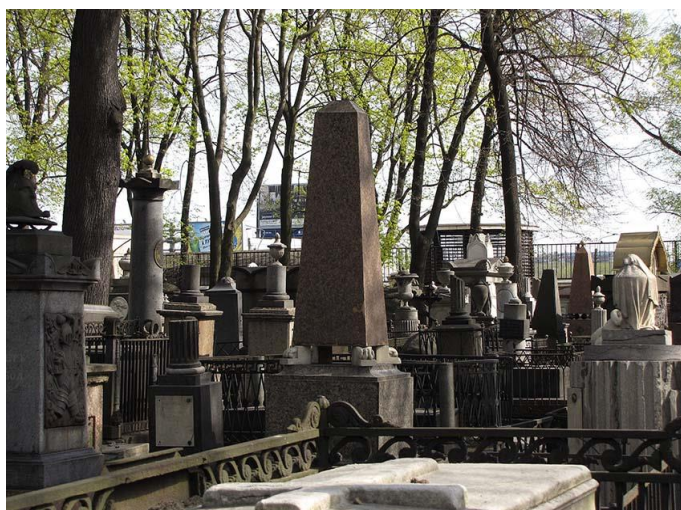

Рис. 8. Лазаревское кладбище (Санкт-Петербург) с надгробиями конца XVIII – начала XIX вв.

Рис. 9. Д.Б. Пиранези. Фронтиспис древнего перекрестка Аппиевой и Ардеатинской дорог. Гравюра сер. XVIII в.

Двухслойное в плане культурных влияний погребальное пространство в эти периоды дополнилось еще одним слоем. Христианские кладбища, во многом структурированные реформами Никона, но не утратившие до конца исконно языческое влияние, стали оформляться вновь языческими атрибутами, но уже греко-римского происхождения. Они стали в большей степени отражать современную моду, чем национальную религиозную догматику, что создало совершенно новый, намного более долговечный (каменный вместо деревянного) погребальный ландшафт.

Советский Союз

Последним из рассматриваемых периодов, в значительной степени повлиявшим на современный облик российских кладбищ, является Советский Союз. «Поливерие» в этот период проявляется не менее наглядно, чем «двоеверие» в Киевской Руси. Однако теперь идеологический фундамент государства – атеизм и отсутствие частной собственности. Это два наиболее важных аспекта формирования нового похоронного пространства, поскольку теперь похороны официально не должны нести ритуального характера, а должны быть исключительно утилитарны. Земля, в которой похоронен человек, в любой момент может быть использована государством по другому назначению. Именно в рамках этих двух аспектов рассмотрим трансформации погребального пространства. Оно в тот период дополняется третьей и четвертой парадигмами – коммунистической и атеистической.

Прежде погребальные пространства работали по принципу «моральной экономики» «...в которой каждый из членов прихода совершал посильный вклад для поддержания кладбища в достойном состоянии и обеспечения деятельности причта⁶. Похороны и содержание кладбищ становились, таким образом, «общим благом» для широкого круга лиц, связанных с данным кладбищем»⁷ [13, с. 598]. Их культурная роль заключалась в помощи человеку в преодолении горя утраты через ритуал и атрибутику и в поддержании погребального пространства в ухоженном виде. Новая же идеология попыталась уйти от религиозного участия во всех отношениях. Официальная позиция советского государства была изложена в Декрете СНК от 7 декабря 1918 года «О кладбищах и похоронах», где все духовные процессы и церковь отчуждены от похорон. Такой подход определял ритуал погребения как исключительно утилитарный процесс, подкрепленный передачей его в ведомство коммунального хозяйства [13]. Этот процесс был не просто секуляризирующим,

⁶ Причт – духовно-церковные лица служащие при какой-либо церкви. К ним относятся священнослужители (священник и дьякон) и церковнослужители (псаломщик и др.).

⁷ Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб. 1890–1907.

но культурно знаковым для нового общества с новыми ценностями. Он стал второй попыткой резкой смены религиозного сознания после крещения Руси, в которой роль Бога брало на себя государство и само общество, что также должно было изменить все погребальные пространства. Однако отсутствие экономических ресурсов и идеологической искренности и фактический развал сложившихся годами экономических и культурных процессов привел сначала к глубокому кризису в погребальной отрасли и деградации всех ее пространств, а в дальнейшем – к новому этапу усложнения «поливерной» погребальной традиции.

С процессами всеобщей коллективизации происходит уменьшение личного, частного пространства. В результате, в обществе начинается обратный процесс – рост его востребованности. С отсутствием сервисов, легальных возможностей удовлетворения духовных потребностей человека и дефицитом товаров и материалов, похоронный ритуал и погребальное пространство стремительно набирают вернакулярные черты, что также связано с влиянием исторически сложившихся культурных и религиозных парадигм в сознании людей. Вплоть до 90-х гг. XX века для значительной части населения с его *коммеморативной* системой и верованиями, официальный социалистический «монотеизм» выступает в роли *«потемкинской деревни»*. Также «закрытость» советского государства и ущемление религиозных традиций формирует еще один аспект нового «поливерия» – закрытость индивида и семьи.

Еще одним аспектом в формировании новой погребальной культуры в СССР стало отсутствие регулирования погребальной сферы со стороны государства. Коммунальные хозяйства не справлялись со своей работой, и людям приходилось самостоятельно решать связанные с похоронами задачи [14]. В связи с описанными проблемами во всех сферах жизни, в том числе в погребальной отрасли, развивается *«самодельничество»* или *«DIY»*⁸.

Другим, уже официальным элементом советского режима, отражающим *«поливерность»* новой парадигмы, становится популяризация кремации. Несмотря на то, что сам процесс трактовался как более рациональный, его характер продолжает языческие традиции Руси. Прах также хоронится, и также в урнах – аналогах ритуальных глиняных горшков. Эта форма захоронения значительным образом повлияла на ландшафты многих кладбищ и создавала свои собственные. Официально не имея иных целей, кроме фактической утилизации, и не имея соответствующего финансирования, *«новая»* типология захоронения – колумбарий – превратилась в неприглядный склад праха в бетонных ячейках.

Любое место захоронения в советских реалиях превращалось в место хранения, но не место памяти. Следовательно, и средовое состояние таких мест было третьестепенным. Функция же сохранения памяти переносилась на парадные мемориальные пространства общественных и государственных достижений. Наиболее распространенным примером являются Парки Победы во многих городах России (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Волгоград, Рязань, Саратов, Уфа и др.).

Так российские погребальные пространства по своему основному принципу превратились в объекты коммунальной инфраструктуры. Однако люди, продолжавшие воспринимать их как *«места памяти»*, дополняли их по своему усмотрению, так как это «всегда делали» и как было *«правильно»*. Предшествующие культурные наслоения и процессы *вернакулярной коммеморации* превратили погребальный ландшафт в набор отдельных фрагментов *«поливерной»* культуры. То, что происходило с кладбищами в период Киевской и Удельной Руси (разрозненность культурной традиции между населенными пунктами), сублимировалось в каждом отдельно взятом советском кладбище.

⁸ DIY – (от англ. «do it yourself» – «сделай сам») – вид деятельности по самостоятельному производству продуктов и товаров потребления человеком, которые обычно производятся в промышленном формате или конкретными специалистами.

Наши дни

Современное российское погребальное пространство не только отражает многие из вышеописанных парадигм, появившихся в процессе религиозной и культурной трансформации, но и существует в контексте увеличивающейся глобализации и взаимного присвоения новых элементов культуры и технологических решений, что продолжает формировать современное «*поливерие*». Трансформация – неизбежный, естественный и, главное, преемственный процесс культурного и технологического развития общества. По этой логике, современное погребальное пространство сохранило советские принципы организации, синтез практик и обрядов всех предшествующих эпох и по ней же постоянно дополняется новыми. Это постепенно отражается в организации его пространственно-средовых характеристик. Согласно А.Д. Соколовой, сейчас идет процесс становления новой похоронной обрядовой традиции [14, с. 105]. На почве полной свободы в выборе способов преодоления скорби по усопшим и их поминовения можно наблюдать процесс объединения языческих, христианских, атеистических, коммунистических, демократических, капиталистических и прочих воззрений.

Итак, современное «*поливерие*» погребального пространства включает в себя множество разрозненных по своей природе признаков:

- Использование кремации – процесса, не признаваемого РПЦ, но создающего отдельную погребальную типологию – колумбарий;
- Декоративное оформление памятников греко-римской ордерной системой – модное веяние, набравшее свою популярность в Российской империи;
- Установка металлических оградок – элемента, пришедшего из сельского погребального процесса, где не было регулирования и деления на участки, и выбранная для захоронения территория требовала физического ограничения для идентификации самого захоронения и охраны от домашнего скота;
- Установка скамеек, столиков для поминовения [5];
- Использование искусственных цветов (элементы языческой культуры как метод общения с мертвыми через подарки и подношения)⁹;
- *Партиципация* – практика личного вовлечения посетителя в заботу и уход за захоронением. Оказывает значительное влияние на пространственную организацию кладбища ввиду сложности организации централизованного контроля за изменениями в захоронении (кто-то покрасит ограду в зеленый цвет, кто-то поставит глухой забор, а кто-то и вовсе забудет о захоронении);
- Изображение на памятниках портретов усопших и связанных с ними предметов – секулярный процесс развития эпитафии, связанный с оптимизацией и удешевлением производства [1];
- Создание памятников в форме, сердец, облаков, машин и прочих символов личной памяти;
- Стихийное возведение памятников на местах автомобильных аварий, мемориалы и кенотафы, не связанные с местом фактического захоронения тела. Такая практика не признается российской православной церковью (РПЦ) [15]. Она уходит корнями в древнее отношение к «заложным» покойникам как к «нечистым», и их намеренному отчуждению от общего захоронения или захоронению на месте смерти [2, с. 40];
- Создание мест для обсуждения темы смерти – «death coffee»¹⁰;
- Создание специфических памятных пространств типа сада «САД И.М.» – благоустроенного палисадника с клумбами во дворе крематория, где можно посвятить растение ушедшему человеку и провести время в размышлении или других духовных практиках¹¹;
- Использование практики развеивания праха.

⁹ Бабич Е. Почему пластиковые цветы не исчезают с наших кладбищ. URL: <https://ecoidea.me/en/node/4713> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁰ Death Cafe – что это? URL: <http://www.deathcafe.ru> (дата обращения: 28.11.2022).

¹¹ Сад и.м. URL: <http://namegarden.ru/сад/> (дата обращения: 08.11.2022).

Расширение спектра этих признаков (появление новых практик и типологий, связанных с темой смерти), чрезвычайно важно для развития самих погребальных пространств.

Сегодня в России, также как и за рубежом, набирает популярность гуманистический взгляд на смерть и погребальное пространство. Эти тенденции вряд ли можно назвать становлением новой обрядовой традиции, поскольку не формируется новой четко сформулированной культурной парадигмы, но при этом они отражают процесс становления современного «поливерия» как организующего и дополняющего инструмента трансформации современного погребального ландшафта. Культурно-политические и технологические условия создают новые идеалы, меняющие отношение к роли смерти в жизни человека и ее месту в городской среде. Современный культурный контекст определяет роль погребального пространства как многослойного духовного объекта, занимающего важную часть в жизни человека. Однако его современное содержание и создаваемая им среда в большей степени определяются описанными выше признаками и контекстами утилитарности, хозяйственного обслуживания (бывшего коммунального хозяйства), дохода (капиталистический контекст) и отсутствием профессионального аппарата, регулирующего организацию пространства.

Распространение кремации, наверное, важнейший прецедент, позволяющий предположить дальнейшее увеличение легального спектра «неправославных» способов утилизации тела, таких как: компостирование останков^{12,13}, аквамация¹⁴ [17], криомация¹⁵ [16] и другие виды «зеленых» захоронений, что в будущем предсказуемо повлечет за собой и создание специализированных мест захоронения останков.

Другим принципиально важным аспектом в трансформации погребального пространства является перенос внимания с мертвого тела и загробной жизни на живых людей, скорбящих о потере и приходящих на места захоронения для выражения уважения и поддержания памяти к усопшему. Такая ориентация требует формирования погребальных пространств с акцентом на многофункциональности, благоустройстве, удобстве в эксплуатации, легкодоступности и одухотворенности. Широкий спектр доступных практик и услуг, инклюзивная среда, духовное, «возвышающее» пространство смогут превратить кладбища из сложившихся сегодня зон отчуждения в благоустроенные и привлекательные «места памяти» в том качестве, которое описывал в своих трудах Пьер Нора.

Современное состояние большинства современных погребальных территорий в России является продуктом современного «поливерия». В отсутствие грамотной профессиональной организации под его влиянием формируется дезорганизованная *вернакулярная* среда, не имеющая возможностей пространственного преобразования ввиду этических, структурных, логистических и законодательных ограничений.

«Поливерие» как инструмент сохраняет и историческую преемственность, и возможность заимствования позитивного опыта в развитии погребальных пространств. В условиях принятия нового, осознанного подхода к регулированию, организации и поддержанию функционирования, будет формироваться новая архитектурная среда, консолидирующая новации и исторические элементы, создавая нечто большее, чем коммунальное место

¹² Компостирование останков – это химический процесс превращения тела в плодородный материал.

¹³ Alfus K.M. Better Homes and Scattered Gardens: Why Iowa Should Legalize "Human Composting" as a Method of Final Disposition // Iowa L. Rev. 2020. Т. 106. С. 325.

¹⁴ Аквамация (или ресомация) – щелочной гидролиз – это химический процесс, который использует комбинацию горячей воды, щёлочи, давления и циркуляции для сжижения тела за несколько часов.

¹⁵ Криомация (или промессия) – процесс утилизации тела в несколько этапов: заморозка жидким азотом, вибрационное дробление замороженного тела до однородного порошка, вакуумная сушка останков (при которой исчезает 50-70% первоначальной массы тела), очистка останков от искусственных материалов (протезов, пломб и др.), захоронение останков в землю.

захоронения. Пространство памяти, объединив в себе типологии кладбища, парка и музея, сохранив функции захоронения, *коммеморации* и психологической рекреации имеет все шансы стать подлинным «местом памяти».

Источники иллюстраций

Рис. 1, 2. Авторское изображение. Создано на основе google карт.

Рис. 4. Из архива Российского Этнографического музея, г. Санкт-Петербург.

Рис. 3. [10].

Рис. 5. Mosday.ru Фото №245.24. URL: https://mosday.ru/photos/?245_24

Рис. 6. URL: <http://sotvori-sebia-sam.ru/simon-ushakov/>

Рис. 7. URL: <https://arch-heritage.livejournal.com/1100195.html>

Рис.8. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лазаревское_кладбище_\(Санкт-Петербург\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лазаревское_кладбище_(Санкт-Петербург))

Рис.9. URL: <https://www.piraneseum.com/piraneseum/architectural-etchings/introduction/>

Список источников

1. Борисов Н. Секуляризация смерти в прошлом и современности // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2017. Т. 3. №1. С. 72–81.
2. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. Москва: Индрик, 1995. 432 с.
3. Иванов А. Вернакуляр как антиимперия: культура 3 // Проект Байкал. 2022. №19(74). С. 58-71. DOI: 10.51461/pb.74.13
4. Ильин В.Н. Церковный раскол и русский православный традиционализм // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4 (88). С. 128–132. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-19
5. Мохов С. Дело об ограде столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище / С. Мохов, В. Зотова // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. №1. С. 21–36. DOI: 10.17323 / 1727-0634-2017-15-1-21-36
6. Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия – 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Common place, 2018. 328 с.
7. Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с фр. Д. Хапаевой. Науч. конс. пер. Н. Копосов. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 333 с.
8. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28-29 мая 2021 г. : сборник статей. Оренбург, Изд-во Оренбургский государственный педагогический университет. 2021. С. 237-241.
9. Романовская Е.В. Идентичность и коммеморация / Е.В. Романовская, Н.Л. Фоменко // Власть. 2015. №7. С. 81–84.
10. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. Москва: Изд-во Наука, 1987. 784 с.

11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Изд-во Академический проект, 2013. 640 с.
12. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. Санкт–Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
13. Соколова А.Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. №1-2. С. 598-599.
14. Соколова А.Д. Трансформация похоронного обряда и новые обрядовые практики // Религиоведческие исследования. 2015. №11. С. 89-105.
15. Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. №2. С. 150-164.
16. Bardini T. Decompicultures: decomposition of culture and cultures of decomposition // Green letters. 2014. Т. 18. №1. С. 9-21. DOI: 10.1080/14688417.2014.890529.
17. Wilson J.H. The history of alkaline hydrolysis // Good Funeral Guide. 2014.

References

1. Borisov N. *Sekulyarizatsiya smerti v proshlom i sovremennosti* [Secularization of death in the past and present]. South Pole. Studies in the History of Modern Western Philosophy, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 72–81.
2. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoy smertyu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: The dead who died an unnatural death and mermaids]. Moscow, 1995, 432 p.
3. Ivanov A. *Vernakulyar kak antiimperiya: kul'tura 3* [Vernakul as an anti-empire: culture 3]. Proekt Bajkal, 2022, no. 19(74), pp. 58-71. DOI: 10.51461/pb.74.13
4. Ilyin V.N. *Tserkovnyy raskol i russkiy pravoslavnyy traditsionalizm* [Church schism and Russian Orthodox traditionalism]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 4 (88), pp. 128–132. DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-19
5. Mokhov S., Zotova V. *Delo ob ograde stolike i skame: rezhimy spravedlivosti v praktikakh raspredeleniya mest na kladbishche* [The case of the fence table and bench: justice regimes in the practices of distributing places in the cemetery]. Zhurnal issledovanij social'noj, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 21–36. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-21-36
6. Mokhov S. *Rozhdeniye i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [Birth and death of the funeral industry: from medieval pogosts to digital immortality – 2nd ed., Rev. and add]. Moscow, 2018, 328 p.
7. Nora P., Ozouf M., de Puymège J., Vinok M. *Frantsiya-pamyat'* [Realms of memory]. Saint Petersburg, 1999, 333 p.
8. Ogonovskaya I.S. *Kommemorativnyye praktiki kak instrument sokhraneniya pamyati o voennoy istorii Rossii* [Commemorative practices as a tool for preserving the memory of Russia's military history]. Orenburg, 2021, pp. 237-241.
9. Romanovskaya E.V., Fomenko N.L. *Identichnost' i kommemoratsiya* [Identity and commemoration]. Vlast, 2015, no. 7, pp. 81–84.

10. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of ancient Rus]. Moscow, 1987, 784 p.
11. Rybakov B.A. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, 2013, 640 p.
12. Safronova Y.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [Historical memory: introduction: textbook]. St. Petersburg, 2019, 220 p.
13. Sokolova A.D. *V bor'be za ravnoye pogrebeniye: pokhoronnoye administrirovaniye v rannem SSSR* [In the struggle for equal burial: funeral administration in the early USSR]. Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom, 2019, no. 1-2, pp. 598–599.
14. Sokolova A.D. *Transformatsiya pokhoronnogo obryada i novyye obryadovyye praktiki* [Transformation of the funeral rite and new ritual practices]. Religiovedcheskie issledovaniya, 2015, no. 11, pp. 89–105.
15. Sokolova A.D., Yudkina A.B. *Pamyatnyye znaki na mestakh avtomobil'nykh avariy* [Memorial signs at the sites of car accidents]. Etnograficheskoe obozrenie, 2012, no. 2, pp. 150-164.
16. Bardini T. *Decompicultures: decomposition of culture and cultures of decomposition*. Green letters, 2014, vol. 18, no. 1, pp. 9-21. DOI: 10.1080/14688417.2014.890529
17. Wilson J.H. *The history of alkaline hydrolysis*. Good Funeral Guide, 2014.

ОБ АВТОРАХ

Шулика Татьяна Олеговна

Кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой «Дизайн архитектурной среды», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
shulika-taf@yandex.ru

Мухин Дмитрий Сергеевич

Аспирант, кафедра «Дизайн Архитектурной Среды», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
d.myhin@markhi.ru

ABOUT THE AUTHORS

Shulika Tatiana O.

PhD in Architecture, Professor, Head of the Department «Design of Architectural Environment», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
shulika-taf@yandex.ru

Mukhin Dmitrii S.

Postgraduate Student of the Department «Design of Architectural Environment», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia
d.myhin@markhi.ru